

УДК 340.15+94(37).04

Зубцов Д.Д.¹**ВОЕННАЯ РЕФОРМА ГАЯ МАРИЯ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Тульский государственный университет

Zubtsov D.D.

GAIUS MAIUS' MILITARY REFORM AS A FACTOR IN THE DEFORMATION OF THE PUBLIC LAW INSTITUTES OF THE ROMAN REPUBLIC

Tula State University

Аннотация. Статья посвящена анализу военной реформы Гая Мария (конец II в. до н. э.) как фактору деформации государственно-правовых институтов Римской республики. Исследование сосредоточено на историко-правовом аспекте преобразований: трансформации правового статуса воина, изменении природы воинской присяги и делегирования империя, а также на возникновении феномена «частной армии» как инструмента политической борьбы. Автор приходит к выводу, что реформа Мария, ликвидировав цензовый принцип комплектования, разрушила фундаментальную связь между гражданством, земельной собственностью и военной обязанностью, что привело к перерождению легионов в клиентскую базу отдельных полководцев и стало предпосылкой падения Республики. Вместе с тем в работе уточняется, что реформа не была единственной причиной кризиса, а выступила катализатором уже начавшихся процессов деформации публично-правовых институтов. Автор также рассматривает дискуссионные вопросы историографии, касающиеся степени радикальности реформы и её одномоментности, и приходит к выводу о необходимости комплексного подхода, учитывающего как юридические, так и социально-экономические факторы. Особое внимание уделено анализу различных точек зрения в отечественной и зарубежной науке на правовые последствия реформы.

Ключевые слова: Римская республика, Гай Марий, военная реформа, публичное право, правовой статус воина, клиента, империй, воинская присяга, цензовое комплектование, историография.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Gaius Marius's military reform (late 2nd century BC) as a factor contributing to the transformation of the state and legal institutions of the Roman Republic. The study focuses on the historical and legal aspects of the reforms: the

¹ Зубцов Дмитрий Дмитриевич – студент 2 курса магистратуры, преподаватель Института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

transformation of the legal status of the soldier, the change in the nature of the military oath and the delegation of imperium, as well as the emergence of the phenomenon of the "private army" as an instrument of political struggle. The author concludes that Marius's reform, by eliminating the property-based recruitment principle, destroyed the fundamental link between citizenship, land ownership, and military duty, which led to the degeneration of the legions into a clientele base for individual commanders and became a prerequisite for the fall of the Republic. At the same time, the article clarifies that the reform was not the sole cause of the crisis but acted as a catalyst for the already ongoing processes of deformation of public-law institutions. The author also examines the historiographical debates concerning the radical nature and immediacy of the reform and concludes that a comprehensive approach, taking into account both legal and socio-economic factors, is necessary. Special attention is paid to the analysis of various viewpoints in Russian and foreign scholarship on the legal consequences of the reform.

Keywords: Roman Republic, Gaius Marius, military reform, public law, legal status of a warrior, clientele, imperium, military oath, property-based recruitment, historiography.

Проблема устойчивости государственных институтов перед лицом милитаризации общественной жизни сохраняет свою остроту на протяжении всей истории человечества. Римская республика, павшая в результате череды гражданских войн, представляет собой классический пример того, как трансформация военной организации способна инициировать необратимые изменения в публично-правовой сфере. Военная реформа Гая Мария, проведённая в 107 г. до н. э., традиционно рассматривается историками как рубеж, отделяющий эпоху относительной стабильности от периода системного кризиса. Однако её историко-правовое значение требует более детального осмысления: необходимо выяснить, каким образом изменение порядка комплектования армии повлияло на правовое положение воина, на механизм осуществления государственной власти и на юридическую природу взаимоотношений между полководцем и государством.

Актуальность настоящего исследования обусловлена не только непреходящим научным интересом к феномену кризиса Римской республики, но и тем обстоятельством, что проблема подчинения вооружённых сил гражданской власти остаётся одной из фундаментальных для теории государства и права. Римский опыт демонстрирует, как правовая деформация в военной сфере способна запустить цепную реакцию институциональных изменений, приводящих к смене формы правления. Изучение этого процесса позволяет выявить общие закономерности взаимодействия военной организации и публично-правовых институтов.

В отечественной историографии вопросы связи военной организации и кризиса Римской республики глубоко исследованы в трудах С. И. Ковалева, С. Л. Утченко, В. Н. Токмакова и Н. А. Машкина. Эти учёные подробно анализировали социально-экономические предпосылки реформы, эволюцию военной организации и её влияние на политическую борьбу. С. И. Ковалев, в частности, акцентировал внимание на том, что реформа Мария была вызвана не только военной необходимостью, но и стремлением определённых политических кругов ослабить сенатскую олигархию [1]. С. Л. Утченко рассматривал реформу в контексте общего кризиса полисной идеологии и морали, подчёркивая, что профессиональная армия стала инструментом в руках честолюбивых лидеров [2]. Наиболее полно процесс отделения армии от общества был рассмотрен С. Л. Утченко, который отмечал, что особенностью реформы было лишение воина всей суммы прав, которую обеспечивало обладание собственностью [Там же]. В. Н. Токмаков детально проследил эволюцию военной организации от эпохи царей до Пунических войн, показав, что цензовая система никогда не была абсолютно жёсткой и допускала исключения [3]. Н. А. Машкин рассматривал реформу в широком контексте истории Древнего Рима, уделяя внимание социально-экономическим предпосылкам кризиса республиканских институтов [4].

Среди зарубежных исследователей фундаментальное значение имеют работы Т. Моммзена и П. Бранта, рассматривавших армию как фактор деструкции республиканских устоев. Т. Моммзен видел в реформе Мария сознательный шаг к созданию профессиональной армии, верной полководцу, что неизбежно вело к установлению военной диктатуры [5]. П. Брант, напротив, подчёркивал, что процесс пролетаризации армии начался задолго до Мария и был обусловлен демографическими и аграрными причинами. В своей фундаментальной работе «*Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14*» он показал, что беднейший класс всегда был потенциальным источником пополнения армии, и реформа Мария лишь легализовала уже существовавшую практику [6]. Источниковая база исследования включает сочинения Саллюстия [7] и Плутарха [8], содержащие непосредственные сведения о реформе и её авторе, а также фрагменты «Римской истории» Диона Кассия [9] и «Истории» Веллея Патеркула [10]. Несмотря на значительное количество публикаций, специального внимания заслуживает именно правовой аспект: как изменился юридический статус легионера и каким образом это отразилось на легитимности республиканских магистратур. Кроме того, в отечественной науке недостаточно освещён вопрос о том, насколько реформа Мария соответствовала действовавшему римскому праву и не являлась ли она актом, выходящим за пределы компетенции консула.

В историографии отсутствует единство по вопросу о степени радикальности реформы. Ряд исследователей (П. Брант, Э. Габба) полагают, что Марий не создал принципиально новую модель армии, а лишь закрепил уже начавшийся процесс пролетаризации военной службы, вызванный аграрным кризисом и нехваткой людских ресурсов [6; 11]. Согласно этой точке зрения, в легионах и до 107 г. до н. э. служило немало неимущих граждан, а цензовые требования часто обходились. Э. Габба в работе «Republican Rome, the Army and the Allies» аргументирует, что так называемая реформа Мария была кульминацией более чем столетнего постепенного развития, а не драматическим поворотным пунктом [11]. Другие (Т. Моммзен, Л. Кеппи) акцентируют разрыв с традицией и видят в действиях Мария сознательный шаг к формированию профессиональной армии, зависимой от полководца [5; 12]. Л. Кеппи в монографии «The Making of the Roman Army: From Republic to Empire» посвящает Марию отдельную главу «Marius' Mules», в которой рассматривает его преобразования как важный этап перехода от милиционной армии к профессиональной [12].

Особую позицию занимают исследователи, которые вообще отрицают существование «реформы Мария» как единовременного акта. Так, болгарский историк Ж. Жеков в статье «Reform of Gaius Marius: Myths and Reality» утверждает, что «реформа Мария» — это фикция, а профессионализация легионов представляет собой постепенный процесс трансформации римских войск из гражданских добровольцев в профессиональные военные корпорации, длившийся почти два столетия — со Второй Пунической войны до создания принципата Октавиана Августа [13]. Аналогичной позиции придерживается А. В. Козленко, который в работе «Была ли военная "реформа Мария"?» ставит под сомнение традиционное представление о единовременном характере преобразований и указывает, что процессы, искусственно объединяемые историками в «реформу Мария», включают расширение класса военнообязанных римских граждан за счёт понижения планки имущественного ценза и призыв на военную службу бедняков [14].

Австралийский исследователь Т. МакАртур в монографии «Rome's Armies to the Death of Augustus» (2024) идёт ещё дальше, отвергая традиционный метанарратив о римской военной институции и обосновывая формулу «не римская армия, а армии Рима». Он считает неприемлемым применение современных терминов, таких как «реформа», «постоянная армия» и «профессионализм», к римским вооружённым силам, и призывает к «перезагрузке» устоявшихся взглядов на древнеримскую военную организацию [15]. В своей работе МакАртур опирается на фундаментальное исследование Ж. Армана «L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère» (1967), которое одним из первых поставило под

сомнение доминирование добровольного набора в армии в конце II–I вв. до н. э. и указало на отсутствие в античных источниках сведений о постоянной профессиональной армии, якобы созданной Марием [16]. Арман также проанализировал пролетаризацию легионов и её социальные последствия, показав, что процесс этот был длительным и многофакторным [Там же].

Французский историк Ф. Кадьё в монографии «*L'armée imaginaire: les soldats prolétaires dans les légions romaines au dernier siècle de la République*» (2018) подвергает критике и опровергает давно устоявшуюся модель анализа позднереспубликанской армии, в частности, в отношении социального состава легионов в I в. до н. э. [17]. Он аргументирует, что присутствие пролетариев в легионах было скорее исключением, чем правилом, и что тезис о массовом притоке неимущих в армию после Мария не находит подтверждения в источниках [Там же]. М. Дж. Тейлор также поставила под сомнение тактические и технические аспекты так называемой «реформы Мария», подтвердив преемственность традиционных практик в римской армии [18].

В настоящей работе принимается промежуточная позиция: реформа Мария стала катализатором, ускорившим деформацию публично-правовых институтов, но её глубинные причины лежали в структурных изменениях римского общества II в. до н. э. При этом юридическое оформление реформы, вероятно, не было единовременным актом: Марий, будучи консулом, мог использовать своё империй для набора добровольцев, не отменяя формально цензовых норм, а лишь игнорируя их на практике. Это создало опасный прецедент, когда магистрат действует не в рамках закона, а «по обстоятельствам», что подрывает саму идею правового порядка.

Исследование выполнено в рамках историко-правового подхода, предполагающего анализ юридических институтов в их историческом развитии. Используются методы юридической герменевтики для толкования норм римского публичного права, прежде всего касающихся цензовых требований и воинской повинности. Применяется институциональный анализ, позволяющий рассмотреть армию как элемент государственного механизма и проследить её трансформацию. Сравнительно-исторический метод даёт возможность сопоставить правовое положение ополченца до и после реформы. Ключевым понятием выступает «правосубъектность» воина, понимаемая как совокупность прав и обязанностей, определявших его участие в политической жизни гражданской общины. Кроме того, используется метод критического анализа источников, позволяющий отделить юридическую норму от её фактического применения.

Римская гражданская община (*civitas*) в республиканский период базировалась на

неразрывном единстве трёх статусов: гражданин (*civis*), землевладелец (*assiduus*) и воин (*miles*). Участие в военных походах являлось не просто обязанностью, но и важнейшей формой реализации политических прав, поскольку именно вооружённый народ составлял центуриатные комиции — высший орган законодательной власти. Цензовая система, приписываемая Сервию Туллию, закрепляла прямую корреляцию между имущественным положением гражданина и его местом в военной иерархии, что обеспечивало совпадение интересов армии и государства в целом [1]. Воин-собственник, защищая отечество, одновременно защищал собственный земельный надел, а значит, и тот правопорядок, который гарантировал ему обладание этим наделом. Юридически это выражалось в том, что воинская служба была не просто повинностью, а правом и обязанностью, неразрывно связанной с обладанием цензом. Лишение ценза автоматически означало исключение из военной организации, но не лишало гражданства полностью: *capite censi* сохраняли право голоса в комициях, хотя их политическое влияние было минимальным. Таким образом, существовала сложная система градаций, в которой военная служба выступала одним из ключевых критериев полноценного гражданства.

Следует подчеркнуть, что цензовая система не была статичной: на протяжении веков она эволюционировала, отражая изменения в социальной структуре Рима. Как отмечает В. Н. Токмаков, уже в ранней Республике существовали механизмы, позволявшие привлекать к службе граждан, формально не соответствовавших цензовым требованиям, что свидетельствует о гибкости римского публичного права [3]. Однако именно эта гибкость создавала предпосылки для постепенной утраты принципа, который изначально обеспечивал неразрывную связь между собственностью, военной службой и политическими правами.

Однако к концу II в. до н. э. эта гармоничная конструкция стала разрушаться под воздействием экономических процессов: массовое разорение крестьянства и концентрация земельной собственности в руках нобилитета привели к резкому сокращению числа граждан, способных нести военную службу на цензовой основе. В правовом поле возник парадокс: значительная масса римских граждан утратила имущественный ценз (*capite censi*), автоматически выпадая из военной организации, но при этом сохраняла формальные политические права. Республика оказалась перед угрозой военного бессилия, поскольку традиционный принцип комплектования легионов более не соответствовал социальной реальности [4]. Ситуация усугублялась тем, что римская армия вела длительные войны за пределами Италии, что требовало постоянного притока новобранцев. Кризис цензовой системы проявлялся и в том, что многие состоятельные граждане уклонялись от службы,

предпочитая откупаться или выставлять вместо себя заместителей. Это подрывало не только военную мощь, но и моральные устои гражданской общины. Несоответствие между юридической нормой и фактическим положением дел становилось всё более очевидным, что и стало непосредственной предпосылкой реформы Мария.

Как отмечает Э. Габба, процесс пролетаризации армии начался задолго до Мария и был обусловлен не только аграрным кризисом, но и изменением характера войн: длительные кампании за пределами Италии требовали профессиональных солдат, а не ополченцев, вынужденных возвращаться к своим хозяйствам [11]. П. Брант в свою очередь показал, что численность граждан, обладавших цензом, достаточным для службы в легионах, неуклонно сокращалась на протяжении II в. до н. э., что делало сохранение традиционной системы комплектования всё более проблематичным [6]. Дж. У. Рич в статье «The Supposed Roman Manpower Shortage Under the Late Republic» поставил под сомнение тезис о катастрофической нехватке людских ресурсов, показав, что данные источников не подтверждают столь драматичной картины [19]. Таким образом, реформа Мария была не столько причиной, сколько следствием глубинных структурных изменений римского общества.

Гай Марий, столкнувшись с острой нехваткой людских ресурсов для ведения Югуртинской войны, принял решение, радикально менявшее вековые устои римской военной организации. Он отказался от набора воинов по имущественным разрядам и допустил к службе всех желающих, прежде всего неимущих граждан, записывавшихся в легионы ради жалованья и военной добычи [7]. Этот шаг, внешне выглядевший как вынужденная административная мера, по существу означал разрыв с сакрально-правовой традицией, освящённой обычаем предков (*mos maiorum*). Легионер переставал быть вооружённым представителем гражданского коллектива, защищавшим собственное достояние, и превращался в профессионального солдата, для которого военная служба становилась единственным источником существования. Важно отметить, что юридически Марий не отменял цензовые законы, а лишь воспользовался своим империем для набора добровольцев. Однако этот прецедент создал основу для дальнейшей практики, когда полководцы стали комплектовать армии вне установленного порядка, что подрывало авторитет сената и народных собраний. Саллюстий в «Югуртинской войне» прямо указывает, что Марий «записывал в солдаты всех, кто хотел, в большинстве своём неимущих» [Там же], подчёркивая новизну этого подхода.

Однако, как показывают современные исследования, эта новизна может быть преувеличена. К. Мэтью в статье «The Enrolment of the Capite Censi by Gaius Marius: A

Reappraisal» аргументирует, что нет никаких свидетельств того, что Марий действительно отменил имущественный ценз или изменил закон о призыве. Главное отличие действий Мария от действий предыдущих администраций заключалось в том, что он обратился к *capite censi* с призывом к добровольной службе, а не прибегнул к призыву [20]. Это уточнение имеет важное юридическое значение: оно означает, что Марий действовал не столько в рамках законодательной реформы, сколько в рамках административной практики, что создавало опасный прецедент, но не являлось формальным нарушением закона. Тем не менее, именно этот прецедент открыл путь для последующих полководцев, которые стали систематически использовать набор добровольцев из неимущих для формирования лично преданных армий.

Ключевым правовым последствием стало изменение мотивации службы и, соответственно, характера обязательственных отношений между воином и государством. Если ранее воин был связан с государством через институт собственности на землю, то теперь его благосостояние напрямую зависело от исхода военных кампаний и от воли командующего, который распределял добычу и мог инициировать земельные раздачи ветеранам [4]. Аграрный вопрос, традиционно решавшийся через законодательные комиции и сенат, теперь фактически перешёл в компетенцию полководцев, что подрывало монополию публичных органов на принятие общеобязательных решений. В юридическом смысле это означало смещение центра власти от публично-правовых институтов к частным отношениям патроната. Ветеран, получивший землю от полководца, становился его клиентом, обязанным ему личной верностью. Такая практика постепенно размывала понятие *res publica* как общего дела всех граждан, заменяя его понятием личной преданности командиру.

Как отмечает А. Б. Егоров, роль новой армии была двойственной. С одной стороны, с усилением корпоративности и профессионализма армия играла всё возрастающую роль в жизни государства; появление специфических требований отдаляло её от гражданского коллектива. С другой стороны, солдаты были гражданами республики, связанными с ней определёнными узами, а во главе армии стояли сенаторы и всадники. В мирное время армия превращалась в «личную партию», клиенту своего вождя. Такая двойственность обусловила сложность процесса становления военной диктатуры и монархического режима [21]. Таким образом, правовые последствия реформы не были однозначными: они создавали как предпосылки для усиления личной власти полководцев, так и сохраняли элементы связи армии с гражданским коллективом.

Формально воинская присяга (*sacramentum*) по-прежнему приносилась полководцу,

но юридически консул действовал как магистрат римского народа, наделённый империем. С появлением профессиональной армии, длительное время находившейся под командованием одного лица, правовая связь «воин — консул» стала фактически вытеснять связь «гражданин — государство». Легионеры, чьё материальное благополучие и будущее земельное обеспечение напрямую зависели от успехов и политического влияния их командира, начинали воспринимать его не как временного носителя публичной власти, а как личного патрона [2]. Это приводило к формированию отношений, аналогичных клиентеле — институту, основанному на личной верности и взаимных обязательствах. Присяга, таким образом, приобретала двойственный характер: с одной стороны, она сохраняла сакральную форму, с другой — её содержание всё больше определялось не государственной необходимостью, а личными интересами воина и его командира.

Следует подчеркнуть, что проблема войсковой клиентелы и её использования в политических целях была поставлена ещё Э. Бадрианом, который исследовал феномен иностранной клиентелы и её роль в римской политике [22]. В настоящее время большинством исследователей разделяется тезис о складывании в последние десятилетия Республики патронато-клиентских отношений между полководцами и подчинёнными им войсками. Однако концепция «персональных» армий и войсковой клиентелы как феномена, характерного для последнего столетия Республики, подверглась аргументированной критике в статье Н. Рулана, который утверждает, что нельзя выделить некую специфику войсковой клиентелы как клиентелы нового типа и говорить об армиях-клиентах. Аналогичная точка зрения присутствует и в отечественной историографии, в частности в работах А. В. Махлаюка [23]. Таким образом, даже в вопросе о природе взаимоотношений между полководцем и его солдатами историография не демонстрирует единства.

Возник феномен, который в науке получил название «частной армии» (*exercitus privatus*): воинское подразделение, формально оставаясь частью римской армии, *de facto* подчинялось не сенату и народу, а конкретному полководцу, чьи политические амбиции оно готово было поддерживать вплоть до вооружённого выступления против законных органов власти [6]. С правовой точки зрения это означало перенос публично-правовых полномочий (*imperium*) в сферу частных, патронажных отношений, что противоречило самой сути республиканского строя, основанного на разделении частного и публичного права. Легионер более не был защитником *res publica*; он становился инструментом в борьбе за власть, а его правовой статус определялся не действующим правом, а волей командующего. В этом контексте особенно важно отметить, что империй, который по традиции предоставлялся магистрату народом и сенатом на определённый срок и для определённых целей, стал

восприниматься как личное достояние полководца, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Такое смещение акцентов имело далеко идущие последствия для всей политической системы.

П. Брант, однако, предостерегает против преувеличения степени зависимости солдат от полководцев в период, непосредственно следующий за реформой Мария. Он отмечает, что вплоть до Союзнической войны и последующих гражданских конфликтов легионы сохраняли значительную степень лояльности государству, а личная преданность командирам стала доминирующей лишь в более поздний период [6]. Это уточнение важно для понимания того, что деформация публично-правовых институтов была не мгновенным актом, а постепенным процессом, растянувшимся на десятилетия. Р. Э. Смит в работе «Service in the Post-Marian Roman Army» также показал, что правовое положение солдат после реформы не претерпело мгновенных изменений, а эволюционировало постепенно, отражая общие тенденции развития римского публичного права [24].

Создание профессиональной армии, зависимой от личности полководца, имело разрушительные последствия для всей системы республиканских органов власти. Сенат, традиционно осуществлявший верховное руководство военными делами через магистраты, постепенно утрачивал реальный контроль над легионами, поскольку те подчинялись своим командирам, а не коллегиальному органу [5]. Народные собрания, некогда вершившие судьбы государства через голосование воинов-граждан, также теряли значение, так как ключевые политические вопросы — прежде всего наделение ветеранов землёй — теперь решались путём давления вооружённой силы на сенат и комиции. Особенно показательным стало поведение самого Мария, который, опираясь на преданные ему легионы, неоднократно добивался консульства в нарушение установленных сроков и обычаев [8]. Таким образом, прецедент был создан: военачальник, обладающий личной армией, мог игнорировать действующие ограничения и навязывать свою волю законным органам власти. В дальнейшем этот сценарий был воспроизведён Суллой, Цезарем и Октавианом, что привело к серии гражданских войн и окончательному крушению республиканского строя. Армия из инструмента внешней безопасности превратилась в фактор перманентной внутренней дестабилизации, подменяя собой легальные механизмы принятия государственных решений [25].

Однако было бы упрощением сводить кризис Республики исключительно к реформе Мария. Аграрный вопрос, кризис полисной морали, рост рабства, обострение социальных противоречий — все эти факторы действовали задолго до 107 г. до н. э. Реформа Мария лишь ускорила и оформила юридический механизм, позволивший полководцам превратить

армию в орудие личной власти. Более того, некоторые исследователи, как уже отмечалось, считают, что Марий не был первым, кто начал набирать неимущих в армию; его нововведение заключалось скорее в систематическом характере такой практики и в том, что она получила правовое закрепление через последующие законы и обыкновения. Тем не менее, именно реформа Мария стала символом разрыва с традиционной цензовой системой и точкой отсчёта для дальнейшего разрушения республиканских институтов. Важно также учитывать, что юридическое оформление реформы не было единовременным актом: потребовались десятилетия, чтобы новая модель армии стала доминирующей, а её правовые последствия в полной мере проявились.

Как отмечает М. Н. Фащча, традиционное представление о реформе Мария как о единовременном акте, радикально изменившем римскую армию, является историографическим мифом, который долгое время воспроизводился в научной литературе [26]. Аналогичной позиции придерживается и Ж. Жеков, который показывает, что профессионализация легионов была *gradual process*, а не результатом одномоментного решения [13]. Эти наблюдения заставляют пересмотреть традиционную хронологию и акцентировать внимание на преемственности, а не на разрыве. К. Мэтью в монографии «*On the Wings of Eagles: The Reforms of Gaius Marius and the Creation of Rome's First Professional Soldiers*» также подчёркивает, что преобразования Мария следует рассматривать в широком контексте эволюции римской военной организации, а не как изолированный акт [27].

Проведённый анализ показывает, что военная реформа Гая Мария, будучи по своей форме административно-правовым актом, по своему содержанию стала актом государственно-правовой деструкции. Упразднив имущественный ценз для воинской службы, Марий лишил военную обязанность её публично-правового характера, а воина — статуса гражданина-собственника, защищавшего общие интересы. Легионер превратился в профессионального наёмника, чьё правовое благополучие гарантировалось не законом и не государственными институтами, а харизмой и ресурсами конкретного полководца. Армия, некогда бывшая слепком римского народа, стала гигантской клиентской базой, готовой служить любому, кто обеспечит её жалованьем и землёй. Это привело к утрате легитимности сенатом и народными собраниями и сделало неизбежным переход от республиканской правовой модели, основанной на верховенстве закона, к околмонархической (принципату), в которой одной из гарантий легитимности власти становится не правовая норма и обеспечение её действия и исполнения, а контроль над вооружёнными силами государства.

В более широком смысле реформа Мария демонстрирует, как изменение одного,

казалось бы, частного правового института (порядка комплектования армии) может повлечь за собой цепную реакцию деформаций во всей системе публичного права. Это делает её изучение актуальным не только для антиковедения, но и для современной теории государства и права, поскольку позволяет увидеть, насколько хрупкими могут быть правовые гарантии стабильности при отсутствии эффективных механизмов контроля над вооружёнными силами. Римский опыт показывает, что формальное сохранение республиканских институтов при фактическом подчинении армии частным интересам неизбежно ведёт к утрате их легитимности и, в конечном счёте, к смене формы правления. Таким образом, военная реформа Гая Мария может рассматриваться как классический пример того, как правовая деформация в военной сфере становится катализатором системного кризиса государственности.

Вместе с тем следует признать, что современная историография всё более склоняется к пересмотру традиционной картины. Работы Э. Габбы, П. Бранта, Ж. Армана, Ф. Кадью, Т. МакАртура и других исследователей показывают, что процесс трансформации римской армии был значительно более сложным и длительным, чем это представлялось историкам XIX — первой половины XX в. «Реформа Мария» в значительной степени является конструктом позднейшей историографии, а не отражением единовременного акта. Это, однако, не отменяет того факта, что именно с именем Мария связано юридическое оформление практики, открывшей путь к профессионализации армии и её превращению в инструмент политической борьбы. В этом смысле реформа Мария остаётся ключевым эпизодом в истории падения Римской республики, даже если её содержание и последствия требуют более нюансированного понимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. — Л.: Издательство ЛГУ, 1986. — 744 с.
2. Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. — М.: Наука, 1965. — 287 с.
3. Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. — М.: КДУ, 2007. — 382 с.
4. Машкин Н. А. История Древнего Рима. — М.: Высшая школа, 2006. — 553 с.
5. Моммзен Т. История Рима. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 2. — 628 с.
6. Brunt P. A. Italian Manpower 225 B.C. — A.D. 14. — Oxford: Clarendon Press, 1971. — 750 p.

7. Саллюстий Крисп Г. Югуртинская война / Пер. В. О. Горенштейна. — М.: Ладомир, 2004. — 220 с.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. — М.: Наука, 1994. — Т. 1. — 672 с.
9. Дион Кассий. Римская история. Книги XLIV–LVI / Пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 456 с.
10. Веллей Патеркул. Римская история // Малые римские историки. — М.: Ладомир, 1996. — С. 11–98.
11. Gabba E. Republican Rome, the Army and the Allies. — Oxford: Blackwell, 1976. — 272 p.
12. Keppie L. The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. — London: Batsford, 1984. — 271 p.
13. Zhekov Z. Reform of Gaius Marius: Myths and Reality // Bulgaria, the Bulgarians and Europe — Myth, History, Modernity. — 2019. — Vol. 13, Iss. 1. — P. 1–23.
14. Козленко А. В. Была ли военная «реформа Мария»? // Лістападаўскія сустрэчы — 8: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. навук. канф. — Мінск: БДУ, 2019. — С. 45–52.
15. McArthur T. Rome's Armies to the Death of Augustus. — Havertown: Pen & Sword Military, 2024. — 256 p.
16. Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. — Paris: A. J. Picard et Cie, 1967. — 539 p.
17. Cadiou F. L'armée imaginaire: les soldats prolétaires dans les légions romaines au dernier siècle de la République. — Paris: Les Belles Lettres, 2018. — 488 p.
18. Taylor M. J. Tactical Reform in the Late Roman Republic: The View from Italy // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. — 2019. — Bd. 68, H. 1. — P. 76–94.
19. Rich J. W. The Supposed Roman Manpower Shortage Under the Late Republic // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. — 1983. — Bd. 32, H. 3. — P. 287–331.
20. Matthew C. A. The Enrolment of the capite censi by Gaius Marius: A Reappraisal // Ancient History: Resources for Teachers. — 2007. — Vol. 37. — P. 15–28.
21. Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. — Л.: Издательство ЛГУ, 1985. — 224 с.
22. Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). — Oxford: Clarendon Press, 1958. — 342 p.
23. Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи: Традиции военной службы и воинская ментальность. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Акра, 2006. — 440 с.

24. Smith R. E. Service in the Post-Marian Roman Army. — Manchester: Manchester University Press, 1958. — 76 p.
25. Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века Республики. — СПб.: Гуманитарная Академия, 2005. — 480 с.
26. Фащча М. Н. Reformy Mariusza, czyli długie trwanie historiograficznego mitu // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. — 2019. — Т. 104. — S. 27–46.
27. Matthew C. A. On the Wings of Eagles: The Reforms of Gaius Marius and the Creation of Rome's First Professional Soldiers. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. — 118 p.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Kovalev S. I. Istoriya Rima. Kurs lekcij. — L.: Izdatel'stvo LGU, 1986. — 744 s.
2. Utchenko S. L. Krizis i padenie Rimskoj respubliki. — M.: Nauka, 1965. — 287 s.
3. Tokmakov V. N. Armiya i gosudarstvo v Rime: ot ehpoi carej do Punicheskikh vojn. — M.: KDU, 2007. — 382 s.
4. Mashkin N. A. Istoriya Drevnego Rima. — M.: Vysshaya shkola, 2006. — 553 s.
5. Mommzen T. Istoriya Rima. — SPb.: Nauka, 1994. — Т. 2. — 628 s.
6. Brunt P. A. Italian Manpower 225 B.C. — A.D. 14. — Oxford: Clarendon Press, 1971. — 750 p.
7. Sallyustij Krisp G. Yugurtinskaya vojna / Per. V. O. Gorenshtejna. — M.: Lodomir, 2004. — 220 s.
8. Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya: V 2 t. — M.: Nauka, 1994. — Т. 1. — 672 s.
9. Dion Kassij. Rimskaya istoriya. Knigi XLIV–LVI / Per. s drevnegrech. pod red. A. V. Mahlayuka. — SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. — 456 s.
10. Vellej Paterkul. Rimskaya istoriya // Malye rimskie istoriki. — M.: Lodomir, 1996. — S. 11–98.
11. Gabba E. Republican Rome, the Army and the Allies. — Oxford: Blackwell, 1976. — 272 p.
12. Keppie L. The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. — London: Batsford, 1984. — 271 p.
13. Zhekov Z. Reform of Gaius Marius: Myths and Reality // Bulgaria, the Bulgarians and Europe — Myth, History, Modernity. — 2019. — Vol. 13, Iss. 1. — P. 1–23.
14. Kozlenko A. V. Byla li voennaya "reforma Mariya"? // Listapadauskiya sustrechy — 8: zb. art. pa mataryyalah Mizhnar. navuk. kanf. — Minsk: BDU, 2019. — S. 45–52.

15. McArthur T. *Rome's Armies to the Death of Augustus*. — Havertown: Pen & Sword Military, 2024. — 256 p.
16. Harmand J. *L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère*. — Paris: A. J. Picard et Cie, 1967. — 539 p.
17. Cadiou F. *L'armée imaginaire: les soldats prolétaires dans les légions romaines au dernier siècle de la République*. — Paris: Les Belles Lettres, 2018. — 488 p.
18. Taylor M. J. *Tactical Reform in the Late Roman Republic: The View from Italy* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. — 2019. — Bd. 68, H. 1. — P. 76–94.
19. Rich J. W. *The Supposed Roman Manpower Shortage Under the Late Republic* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. — 1983. — Bd. 32, H. 3. — P. 287–331.
20. Matthew C. A. *The Enrolment of the capite censi by Gaius Marius: A Reappraisal* // *Ancient History: Resources for Teachers*. — 2007. — Vol. 37. — P. 15–28.
21. Egorov A. B. *Rim na grani ehposh: problemy rozhdeniya i formirovaniya principata*. — L.: Izdatel'stvo LGU, 1985. — 224 s.
22. Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. — Oxford: Clarendon Press, 1958. — 342 p.
23. Mahlayuk A. V. *Soldaty Rimskoj imperii: Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mental'nost'*. — SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Akra, 2006. — 440 s.
24. Smith R. E. *Service in the Post-Marian Roman Army*. — Manchester: Manchester University Press, 1958. — 76 p.
25. Chekanova N. V. *Rimskaya diktatura poslednego veka Respubliki*. — SPb.: Gumanitarnaya Akademiya, 2005. — 480 s.
26. Fashcha M. N. *Reformy Mariusza, czyli długie trwanie historiograficznego mitu* // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. — 2019. — T. 104. — S. 27–46.
27. Matthew C. A. *On the Wings of Eagles: The Reforms of Gaius Marius and the Creation of Rome's First Professional Soldiers*. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. — 118 p.

Рецензенты:

Ковалев С.Н. - заведующий кафедрой истории государства и права ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент;

Анненков А.Ю. - доцент кафедры государственного и административного права ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», кандидат юридических наук.